

18+

Юрий

БЕРДНИКОВ

ЛЮБОВЬ

КАК ТАИНСТВО

ТРАКТУЯ...

L'amour
decline comme
le mystere...

Юрий Бердников

Любовь как таинство трактуя...
Lamour declaine comme le mystere...

«Издательские решения»

Бердников Ю.

Любовь как таинство трактуя... *L'amour declaine comme le mystere...* / Ю. Бердников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531756-8

В двуязычный поэтический сборник вошли стихотворения из книг «Сады Маргариты», «Окрестные холмы», «Дорога», «В потоках времени» и «Полуденное солнце». В оформлении книги использованы работы Отто Мюллера (1874 — 1930).

ISBN 978-5-00-531756-8

© Бердников Ю.
© Издательские решения

Содержание

САДЫ МАРГАРИТЫ	7
JARDINS DE MARGARITA	7
«Мои стихи рождаются, как лето...»	8
«Mon poème naît comme naît l'été ...»	9
«Поэтом быть – всмотреться в синеву...»	10
«Être poète c'est s'immerger dans l'azur...»	11
«Богатства чувств не выразить пером...»	12
«Les sentiments sont allergiques à la plume...»	13
«Эта пытка стара...»	14
«Le supplice n'est pas neuf...»	15
В сумерках	16
Crépuscule	17
«День прощанья ничем не отмечен...»	18
«La journée des adieux n'avait rien de marquant...»	19
Дневник	20
Journal intime	21
«Когда бы только жгло ...»	22
«S'il n'y avait que la brûlure...»	23
Разлука	24
Séparation	25
«Я стал уставать от сутолоки вокзалов...»	26
«Je souffre toujours moins le tumulte des gares...»	27
Ночная гроза	28
Orage la nuit	29
«И всё ж необъятность так расточительна...»	30
«Reste que l'envolée nous revient au prix fort...»	31
«На занесённом снегом полустанке...»	32
«Sur ce quai de station perdu dans les congères...»	33
Икар	34
Icare	35
«Здесь правил не дано: вчера ль плыла...»	36
«Il n'y a pas de règle. Était-ce bien la veille...»	37
Море	38
A la mer	39
Ночной ливень	40
Déluge la nuit	41
Оттепель	42
Bientôt le dégel	43
К берегу	44
Regagner le rivage	45
«Мы снова тонули, как роца в закате!...»	46
«Nous étions deux, et nous plongions...»	47
«Я создаю тебя из снов...»	48
«Car je te crées avec du rêve...»	49
«Больничный сад не так велик...»	50
«Le parc de l'hôpital serait plutôt petit...»	51

Отъезд	52
Départ	53
«Здесь вкралась ошибка. Наверно, не мне...»	54
«Ce serait une erreur. Sans doute pas à moi...»	55
«Ты дерзкой красотой своею...»	56
«De toute ta beauté impertinente...»	57
Восход	58
Lever de soleil	59
Гроза	60
Orage	61
Горы	62
Montagnes	63
Перевал	64
Le col	65
Над заливом	66
Sur la baie	67
ОКРЕСТНЫЕ ХОЛМЫ	68
COLLINES ENVIRONNANTES	68
Остров	69
l'île	70
Монетный двор	71
Saint-Petersbourg	72
Возвращение	73
Retour	74
«О нет, любимая, я не был Дон Жуаном...»	75
«Je ne fus pas un don Juan, chérie. Du tout...»	76
«Знал бы названия тысяч цветов...»	77
«Fleurs par milliers... eussé-je su les noms...»	78
«В тебе её я узнаю черты...»	79
«En toi je reconnais ses us...»	80
«Где Гатчина, где Царское Село ...»	81
«Mais où sont-ils, Gatchina, Tsarskoïé Sélo?...»	82
Ожидание	83
En attendant	84
Маяк	85
Le phare	86
Осенний сад	87
Jardin en automne	88
Ночь	89
Nuit	90
Вино из Дении	91
Vin de Dénia	92
Поэт и муза	93
Le poète et sa muse	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Любовь как таинство трагедия...
L'amour declaine comme le mystere...
Юрий Бердников

Александр Карвовский *Переводчик*

Светлана Бердникова *Дизайнер обложки*

© Юрий Бердников, 2021

© Александр Карвовский, перевод, 2021

© Светлана Бердникова, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-1756-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САДЫ МАРГАРИТЫ

JARDINS DE MARGARITA

*Ты отдаляешься от меня кругами,
время – и чудо ударяет твоим крылом.
Но что же мне делать с моими устами?
С ночью моею? И с этим днём?
Райнер Мария Рильке*

«Мои стихи рождаются, как лето...»

Мои стихи рождаются, как лето:
из запахов цветов, растущих вдоль тропы,
из облаков клубящихся, из цвета
твоих волос – как поздние снопы.

Мои стихи рождаются из ливней.
Как в зарослях внезапно водоём.
Они похожи на промокший пыльник,
которым укрывались мы вдвоём.

Я их сбиваю с листьев чистотела.
Проходим раздаю... Дарю домам...
Мне с ними ничего не сделать,
доверившись твоим губам.

«**Mon poème naît comme naît l'été ...**»

Mon poème naît comme naît l'été —
du parfum de la fleur poussée au bord des sentes,
de ce ciel pommelé, de la couleur de tes
cheveux pareils à la gerbe en attente.

Il naît, mon poème, de la pluie goutte à goutte.
Comme l'étang surgi des ajoncs, au milieu.
Il ressemble à l'imper trempé comme une soupe
dont nous nous étions fait une tente pour deux.

Je le recueille sur les brins de chélidoine.
Distribue aux passants. En fais don aux maisons.
Qu'en ferais-je encore, ne vois rien plus idoine
depuis qu'en tes lèvres je crois à déraison...

«Поэтом быть – всмотреться в синеву...»

Поэтом быть – всмотреться в синеву:
Вселенная – предстартовой площадкой!
И если ты осилишь тетиву —
пускай стрелу без страха и оглядки.

Поэтом быть – найти к сердцам пароль,
забыть, что есть ещё другой ваятель,
быть роялистом большим, чем король,
и к истине быть ближе, чем Создатель.

«Être poète c'est s'immerger dans l'azur...»

Être poète c'est s'immerger dans l'azur.
Qu'est l'univers? une rampe de lancement.
Bande ton arc (assez d'avoir le muscle pour)
et tire ta flèche, sans crainte, calmement.

Être poète c'est trouver le mot de passe
pour l'âme, et négliger le tout premier Sculpteur.
Faire, plus que le roi au grand jamais n'en fasse,
et approcher le vrai, plus que le Créateur.

«Богатства чувств не выразить пером...»

Богатства чувств не выразить пером.
Бессильна кисть – мгновение прекрасно.
И стоит ли желать напрасно
понять умом
полдневный зной, вечернюю прохладу,
лягушек хор в затиненном пруду,
пьянящий запах трав, ночных теней громады
и веток стон в разбуженном саду?

«Les sentiments sont allergiques à la plume...»

Les sentiments sont allergiques à la plume.
A célébrer l'instant pinceau est impuissant.
Mais à quoi bon, ceci étant,
vouloir la lune —
chercher à mettre en mots la chaleur d'un midi,
la fraîcheur vespérale ou le chant des rainettes?
L'ivre senteur des foins ou l'ombre de la nuit?
Les branches dans le vent, quand le jardin s'inquiète?

«Эта пытка стара...»

Эта пытка стара:
не сутки —
счёт минутам вести на года!
Это сводок шершавые сгустки,
словно крылья стихии:
беда!

Странен поиск путей к совершенству.
Кто с тобою в безумный полёт?
Кто Икаром,
 изгоем,
 лишенцем
рухнет с неба —
как в вечность – на лёд?

«Le supplice n'est pas neuf...»

Le supplice n'est pas neuf,
pas en jours —
ici les ans s'archivent en minutes!
Les communiqués tombent à leur tour,
comme des ailes noires augurant
la chute.

Ainsi va la quête de perfection.
Qui te suivrait dans ton vol démentiel?
Quel Icare,
 quel paria,
 quel croupion
tombera – dans l'éternité? non,
sur la glace – des hauts du ciel?

В сумерках

Рассвета не поняв и не приняв,
заблудший путник, ты далёк от цели.
Ты опоздал – уже ушёл состав,
и все дороги замели метели.

Crépuscule

Voyageur égaré qui n'avais pas compris,
pas accepté le jour, te voici loin du compte.
Tu as manqué le train, il est parti,
et le blizzard qui efface tes routes.

«День прощанья ничем не отмечен...»

День прощанья ничем не отмечен.
В маете, у билетных касс
полдень меркнул, и падал вечер,
натываясь на тысячи глаз.

И гудки оползали по трапам,
растекаясь по пирсу. И порт
принимал, как обычный рапорт,
замиранья сердец и аорт.

А когда вновь сомкнулись дали,
ночь глядела уже в лицо,
и, казалось, здания стали
осыпаться под звёздным резцом.

«La journée des adieux n'avait rien de marquant...»

La journée des adieux n'avait rien de marquant.
Bousculade ordinaire au guichet de la gare —
les heures s'écoulaient, et le soir, débarquant,
prenait le choc des milliers de regards.

Appels de sirène, descendus des échelles
sur le quai lentement se répandre. Et le port
comme on écoute un quelconque rapport.

Et lorsque les lointains enfin se rejoignirent,
la nuit fut ici-bas, à vous dévisager;
ne demeura qu'un mur en train de se détruire
sous les coups scintillants du burin constellé.

Дневник

Дождя задумчивый вояж
в разливах повестей и драм,
где каждый важен персонаж:
казармы, церковь и почтамт,

где площадь – перечень границ,
судьбы изменчивых страниц,
разлук, сомнений и интриг —
мой неоконченный дневник.

Journal intime

Périple songeur de la pluie
dans le ruisseau des belles-lettres
où chaque point vient sur son i —
caserne, église et boîte à lettres;

où la grand-rue
vous est l'indicateur
des barrières, du sort trompeur.
Des ruptures, doutes, serments —
mon journal resté en suspens.

«Когда бы только жгло ...»

Когда бы только жгло —
навывает, напролёт!
Какою клеткой мир не будет тесен?
Когда б в полёт!
Когда бы небосвод
не сжался до прудов на Пресне!

Когда б на арках, шпилях, проводах
обрывки туч, скульптурный ряд миную,
в отёках крыш, в одышке шпал и плах
не висли бы, достоинством рискуя!

Когда б не стук колёс! Когда б не ночь!
Когда бы стихли вдруг остатков дня рыданья,
когда ничем уже нельзя помочь
всем страждущим твоих благодеяний.

Когда б не ждать весны!
Не жаждать губ...
Вконец извериться, простить и таять,
лицом упав на катафалки тумб
в снегах Алтая!

«S'il n'y avait que la brûlure...»

S'il n'y avait que la brûlure.
Qui perfore, de part en part!
De ces cages qui font le monde,
laquelle ne nous serait cellule?
Si l'on avait droit au départ!
Si le ciel n'abdiquait sur les proches étangs!

Sur les arcs, les flèches, sur les fils électriques,
ignorant les ordonnances sculptées,
si les nuages en lambeaux
ne venaient s'échouer
sur l'édème des toits,
sur l'asthme des traverses, des billots,
au risque d'y laisser leur image idyllique!

S'il n'y avait le heurt des roues!
S'il n'y avait la nuit!
Si le sanglot du jour restant faisait silence,
quand tu ne peux plus rien pour secourir
ceux qui, passionnément, espèrent assistance.

Et le printemps, s'il ne fallait l'attendre!
Rêver de lèvres...
Perdues les illusions, tout pardonner et fondre
au cœur des neiges altaïques,
face écrasée sur le catafalque d'un roc.

Разлука

Вообрази, что небо – без звёзд,
что солнце безжалостное над равниной,
что мир беспредельно ясен и прост —
так это и есть разлука с любимой.

Séparation

Imagine
que le ciel perde ses étoiles,
que le soleil sévisse en pays plat,
que le monde – clarté, unité maximales...
Eh bien, rompre avec celle que tu aimes
c'est ça.

«Я стал уставать от сутолоки вокзалов...»

Я стал уставать от сутолоки вокзалов,
обыденности извечных очередей,
ординарности собеседников,
заученной «человечности»,
пресной выпренности идей и речей.

Я стал уставать от бесчисленных неурядиц,
пошлости и подлости на каждом шагу,
собственного бессилия
перед лицом бесчестности
и сознания, что многого уже не смогу.

«Je souffre toujours moins le tumulte des gares...»

Je souffre toujours moins le tumulte des gares,
les files d'attente pensum obligatoire;
l'ennui des locuteurs occasionnels;
le «positif» que l'on apprend par cœur;
le bien-penser, le bien-parler qui vous écœure.

Je ne supporte plus les problèmes sans terme,
– vulgarité, bassesse à chaque pas;
ma propre impuissance
devant ceux qui te bernent;
et de me savoir décliner
je ne supporte pas.

Ночная гроза

Пройдись вдохновенья пылающим гребнем
по чёрным равнинам лесов и озёр —
и вспыхнет пожаром безмолвное небо,
и ливнями рухнет, обвалами гор.

Orage la nuit

Tu prends sur la crête de feu de l'écriture
par les plaines niellées de forêts et de lacs, —
s'allume l'incendie des nuées taciturnes,
et s'écroule en tornade, en coulées de gravats.

«И всё ж необъятность так расточительна...»

И всё ж необъятность так расточительна:
что в горсти собрал – то пылинкою сдуло!
Любимых мы лепим, как лепит вокзал
пристрастья признаний из чёрного гула.

О нет, не дарованы! Из-под колёс.
И разница эта столь ощутима,
что лишними стали ливни без гроз
и небо без ливней. О как мы ранимы!

И разве здесь трезвость? Ведь этот поток
потопом всемирным всегда назывался.
Не сердце трепещет – твой давний упрёк
пылает кострами, как сад – померанцем.

«Reste que l'envolée nous revient au prix fort...»

Reste que l'envolée nous revient au prix fort...
La poignée recueillie, un coup de vent l'emporte.
Nous sculptons nos amours comme l'aéroport

Ici, rien n'est donné. Il faut qu'on vous l'arrache.
La différence saute aux yeux, et tellement
que les ciels sans la pluie et la pluie sans orage
deviennent superflus. Vulnérable élément!

Et qu'on ne parle pas sagesse. Ce torrent
s'appela de toujours déluge universel.
Mais ça n'est pas le cœur, c'est ton ancien tourment
qui flambe clair, comme au jardin les immortelles.

«На занесённом снегом полустанке...»

На занесённом снегом полустанке
стоишь один, растерян и забыт —
промчалась мимо жизнь
в огнях весенне-ярких
и с надписью короткою: *транзит.*

«Sur ce quai de station perdu dans les congères...»

Sur ce quai de station perdu dans les congères,
tu attends seul,
désemparé et à l'oubli —
la vie est passée dans
une aura printanière,
la plaque mentionnait un bref *transit*.

Икар

Роятся рощи, словно сад, шмелями.
И ног босых – как бабочек – полёт.
И облаков так близки предписанья,
но твой ещё не наступил черёд.

А он – летит... И вопреки законам.
Как майский жук. Ему лететь нельзя.
Как ласточка, мелькнувшая над склоном...
верхушек чуть касаясь и скользя.

Icare

Le bois fourmille au sol, jardin d'hyménoptères.
Les jambes nues, là-haut, jouent l'air du papillon.
Les nuages, tout près, dictent ce qu'il faut faire.
Mais ce n'est pas ton tour encore, mon garçon.

Pourtant il vole, lui... Faisant mentir la loi.
Ainsi qu'un hanneton. (Il ne le devrait pas.)
Ainsi que l'hirondelle au ras des pentes,
à les toucher sur son aire glissante.

«Здесь правил не дано: вчера ль плыла...»

Здесь правил не дано: вчера ль плыла
в темнеющем пруду кувшинкой?
Но жёсткость прорезается крыла,

Я терпелив. В сиянье долгом дня
пишу портрет. И если станешь птицей,
возьми с собой палящий жар огня,
что отсветом любви – на лицах.

«Il n'y a pas de règle. Était-ce bien la veille...»

Il n'y a pas de règle. Était-ce bien la veille
que tu nageais, lis d'eau, dans cet étang?
Voici que le fond dur en toi s'éveille,
et l'aventure échoue aux examens du temps.

Je suis patient. Le jour n'est pas près de finir,
j'achève ton portrait. Mue-toi en alouette,
emporte au ciel la fièvre du désir,
sur notre visage, tu vois, il se reflète.

Море

Море!.. Секреты твои глубинны.
Огромны и беспредельны дали.
Степи стекают к тебе равнинами,
пробираясь сквозь плавни и тальник.

И ты их приемлешь. Как приемлешь горы.
Одариваешь лагунами и пляжами.
Вылизываешь портов изнурённые поры
языками пенисто-влажными.

Мы тоже приходим – усталые люди.
И нас ты приемлешь, как реки, лиманы,
вникаешь в перипетии судеб,
в коллизии наших надежд и обманов.

Заботливо промываешь раны —
и в запахах водорослей и йода
нам кажутся всё более странными
горести ушедшего года.

А может, и впрямь, ты вздымаешь стаи
волн, развёртывая века синхронность,
чтоб влить в сердца беспредельность далей
и неба волнующую огромность?

A la mer

O mer! Mystère allant chercher les fonds.
Immensités, lointains évanouis au large.
La steppe accourt à toi, faire genuflexion,
au travers des deltas se frayant le passage.

Mais tu l'agrées. Et la montagne tu l'agrées.
Lèches les ports, leur épiderme fatigué,
de ta langue d'écume habile à récurage.

Nous aussi nous venons te trouver, hommes las.
Tu nous agrées, comme les limans et les fleuves;
tu as l'oreille à nos espoirs, à nos tracas,
au jeu fluctuant de nos succès, nos épreuves.

Tu nettoies avec soin nos blessures, nos plaies,
si bien qu'à la senteur des algues et de l'iode
les problèmes s'en vont, bizarre nous paraît
ce qui fit nos chagrins la dernière période.

Mais ne serait-ce pas ta vocation, au fond,
au fil de ces marées dont tu règles les âges,
de verser dans les cœurs l'ampleur de l'horizon,
l'énormité du ciel, l'émoi qui s'en propage?

Ночной ливень

Окно распахнуто – как в мир!
Грозою там застигнут сад...
И молний голубых пунктир
пронзает темноту, как взгляд.

Там пиршество стихий и стон
теней и веток, драмы акт...
Там мокрый от дождя перрон —
как истин непреложных факт.

Там полигон вечерних игр
и удаль молодых гуляк,
листвы восторженной турнир
в стремглав несущихся ручьях.

Там ночь плывёт, как водопад,
сияя в отблесках зарниц...
как с крыш сорвавшийся каскад,
в фонтанах брызг стекает ниц.

Там фонарей размытый ряд
качает жёлтые круги,
свой феерический наряд
готовясь уступить другим...

Рассвет – пятнистый леопард —
крадёт к спальням щеголих,
его влекут сюда азарт,
деревьев влажные штрихи.

И вот, как взбалмошный кумир,
последний громовой раскат
взрывает даль, вбирает ширь
выплёскивает всё назад —
звучащий с бурей в унисон
зари пылающей набат...
моей любимой мирный сон
и в ливнях утонувший сад.

Déluge la nuit

Fenêtre ouverte – sur le monde!
Là-bas,
l'averse surprend le jardin,
le pointillé bleu de la foudre
transperce la nuit en moins d'un.
Là-bas,
ce sont les grandes eaux! La danse
des ombres, des branches. Le crash...
Le quai inondé prend sa chance,
cette pluie folle, il la recrache.
Là-bas,
piste d'un soir pour jeux nautiques,
discothèque des jouvenceaux,
tournoi des feuillées extatiques
dans le déluge, les ruisseaux.
Là-bas,
la nuit éructe des cascades,
elle baigne dans l'or des éclairs;
roulant des toits en cataracte,
l'eau rebondit à grands jets clairs.
Là-bas,
la haie mouillée des réverbères
remue ses jaunes lumignons,
ils auraient aimé, tant qu'à faire,
pour la fiesta d'autres lampions.
...L'aube léopard tacheté
se glisse à pas de loup et saute;
l'y pousse? la curiosité:
tant d'eau, ces arbres qui barbotent.

C'est là qu'en attardé fêtard,
claque un dernier coup de tonnerre,
il croule au loin, revient, repart,
et le mur d'eau fait marche arrière —
glas flamboyant du point du jour
à l'unisson de cet exode...
Tu dormais en paix, mon amour,
dans le jardin tombaient des cordes.

Оттепель

К проталинам заря
спешит ещё впотьмах,
поля в снегах...
но бредят мартом рощи.
В прищуре глаз твоих
и на твоих устах
весну, как простынь,
небосвод полощет.

Bientôt le dégel

L'aube court s'allumer
dans de premières flaches.
Les champs restent en neige,
mais rêve à mars le bois.
Dans le pli de tes yeux
et les ris de ta bouche,
printemps rince le ciel
comme on rince ses draps.

К берегу

Зелёными ливнями хлынет весна.
Меня захлестнёт этих чувств половодье.
И я захлебнусь...
Я не чувствую дна.
Как всадник, плыву я, теряя поводья.

Regagner le rivage

Le printemps fuserait en verdissantes pluies,
me ferait suffoquer l'émotion à la crue.
Ce serait la noyade...
Je n'ai plus pied ici —
nager comme écuyer; oui, à rênes perdues.

«Мы снова тонули, как роца в закате!..»

Мы снова тонули, как роца в закате!
Как шмель золотой, ударяясь в стекло.
В объятьях тонули – и в нашем охвате,
расплавившись, небо сквозь ветки текло.

«**Nous étions deux, et nous plongions...**»

Nous étions deux, et nous plongions,
comme les bois dans le couchant!
Comme un bourdon heurtant la vitre!
Nous étions deux, et dans nos yeux absents
le ciel à travers branches et surgeons
coulait, métal liquide.

«Я создаю тебя из снов...»

Я создаю тебя из снов...
и пронесу в воспоминаньях,
как потрясение основ
в виду событий чрезвычайных.

Я создаю тебя из дней,
когда в весеннем ликованье
они насыщенной, полней
садов цветущих мирозданья.

Я расстаюсь с тобой без слов —
застынешь словно изваянье...
Твой дом запустевает вновь —
как повод ближним к состраданью.

«Car je te crées avec du rêve...»

Car je te crées avec du rêve...
Et dans mon souvenir, je veux que tu demeures
comme séisme après la trêve,
ou quelque autre force majeure.

Je te crées avec les jours qui vont,
ces jours en fête printanière
qui plus denses, plus pleins nous sont
que les jardins en beauté de la terre.

Je te quitte sans un mot superflu —
pour moi, tu resteras ce marbre...
Ton toit retourne au silence entendu,
de quoi nourrir des proches la palabre.

«Больничный сад не так велик...»

Больничный сад не так велик,
но распахни внезапно двери —
отпрянет тотчас! Не привык.
Намеренья спешит проверить.

Листвой шумя, он до утра
промаялся в жестоком сплине,
как незадачливый прораб
над ребусом случайных линий.

Он с головой ушёл в себя
и был в оцепененье,
пока, сгущаясь, жар вселял
тревогу и волненье.

Лишь розы запросто цвели,
без бури причитаний.
Их жгло...
Но огненный разлив
был выше мирозданья.

«Le parc de l'hôpital serait plutôt petit...»

Le parc de l'hôpital serait plutôt petit.
Mais c'est assez d'ouvrir la porte,
et le voilà qui fuit!
(Ce patient-là, savoir quelle intention le porte?)

Bruissant toute feuillée, jusqu'au lever du jour
il a pris son mal en patience,
un peu comme le maçon tombant court
devant un plan qui dépasse sa science.

Le parc a préféré s'enfermer sur lui-même,
ne plus donner signe de vie,
en attendant que le soleil n'essaime
de nouveau sa chaleur, son émoi à l'envi.

Il n'est plus que les roses pour fleurir
sans accuser de tous les maux le diable.
Elles ont plus que chaud,
mais ce feu-là est un plaisir
venu du ciel et donc, incomparable.

Отъезд

Всё, что было и может случиться,
нам даровано нашей судьбой.
Наяву – или только приснится —
я всегда и повсюду с тобой.

Этих писем вечерних страницы
продиктует осенний закат:
улетают последние птицы —
и в тоске захлебнётся наш сад.

Départ

Tout ce qui fut, qui peut encore se produire,
nous est un présent du destin.
Dans la réalité, ou n'est-ce que mon rêve?
moi, là – toujours sur ton chemin.

Ces pages de lettre rédigées à la brune
seront dictées par les feux du couchant:
s'envolent les derniers passereaux de l'automne, —
notre jardin, sonné, court au néant...

«Здесь вкралась ошибка. Наверно, не мне...»

Здесь вкралась ошибка. Наверно, не мне
и в пьесе иной по подсказке суфлёра
судьба посылала в сгущавшейся тьме
булгаковский вечер, упавший на город.

Наверно, здесь мастер был должен другой
нечаянно встретить свою Маргариту.
Но кто-то неспешно всевластной рукой
страницу открыл наугад, по наитью.

Он ждал, что проявим и чувство, и такт.
Но что-то разладилось в плавном теченье
минут, побежавших не там и не так,
как было условлено в первом прочтенье.

Он знал, что события идут не туда.
Что тени домов погрузились в раздумье.
Что нам заблудиться – не стоит труда,
пусть это и будет не самым разумным.

Он мог, при желании, вспышкой одной
сейчас же исправить, спасти положение,
кратчайший маршрут проложив по прямой,
минуя ночных переулков сплетенья.

Но он опоздал... Хотя знал наперёд
что глаз не спускают с его подопечной.
Что выход на сцену – в ближайший черёд.
Что в юности каждый бывает беспечным.

«Ce serait une erreur. Sans doute pas à moi...»

Ce serait une erreur. Sans doute pas à moi.
Et dans une autre pièce abonnée du cothurne
le destin détachait des ténèbres ce soir
bien fait pour Boulgakov, pour sa ville nocturne.

Un autre maître ici paraissait destiné
à croiser par hasard sa gente Marguerite.
Mais la page, quelqu'un lentement l'a tournée,
de main autoritaire et sans souci des suites.

Celui-là faisait foi à nos sens, notre tact.
Quelque chose pourtant dérégla l'aventure
des minutes – défaut? mouvement inexact?
plus rien du convenu en première lecture.

Mais il savait que tout allait à contre-voie.
Que l'ombre des maisons s'abîmait dans le doute.
Que s'égarer ici ne nous coûterait pas,
quoique l'option ne fût la plus sensée de toutes.

Il pouvait à loisir, en battant son briquet,
remettre sur le cap et sauver la gageure,
nous traçant au plus bref le très-juste trajet
à l'écart du lacis des ruelles obscures.

Le temps lui a manqué... Bien qu'il sût dès avant
que partout les regards convergent sur la belle.
Que son entrée en scène a lieu incessamment.
Qu'en nos jeunes années, légère est la cervelle.

«Ты дерзкой красотой своею...»

Ты дерзкой красотой своею
стремительно, как шквал воды,
обрушишь мир, не сожалея,
с Олимпа гордой высоты...

Зачем?! – чтоб у твоих причалов
садилось солнце – как маяк! —
в горящем небе, и сжималось,
призывный подавая знак.

И чтобы руки на штурвале
вели корабль (там гордый флаг)
к твоим объятиям сначала,
лишь позже – к звёздам...
Только так!

«De toute ta beauté impertinente...»

De toute ta beauté impertinente,
tu envoies le monde rouler
comme tornade
et sans regret,
du haut de ton Olympe sur la pente.

A quelles fins?
Pour que sur tes ports
le soleil s'abîme
dans un ciel embrasé —
un phare!
et se meure en lançant des appels au renfort.

Oui,
pour que les mains de l'homme de barre
guident le galion
(à grand pavois fièrement annoncé)
dans tes bras pour commencer,
après quoi seulement, les étoiles...
Pas d'autre solution.

Восход

Рассвет взволнованно листал
воспоминания, как тени,
когда весенняя листва
была охвачена смятеньем —
над рощей поднимался шар,
всё небо озаряя светом...

Вселенской страсти плыл пожар
в преддверье грозового лета.

Lever de soleil

L'aurore émue feuillette
les souvenirs à des ombres pareils;
l'heure où la feuillée de printemps
bruit et s'inquiète —
sur les bois monte le soleil,
en clarté le ciel éclatant...

Et coule l'incendie des passions galactiques,
le signe avant-coureur d'un été électrique.

Гроза

Что постиженье красоты?
– Всегда и *открытье даренья*.
Любимая, твои черты —
как парус в море вдохновенья!

Пусть солнца беспощадный жар,
сгустившийся, как ночь над нами,
расколет пушечный удар,
и небо хлынет вниз дождями.

Orage

Découverte de la beauté —
présent, exploration!
Tes traits, ma bien-aimée,
me sont voile en la mer d'Inspiration...

J'ordonne: attaque tonnerre au canon
cette chaleur sonnante de midi
qui implose comme chape de plomb,
et s'écroulent les cieux torrents de pluie!

Горы

Этот путь, этот спуск на равнину —
как с обрыва внезапный прыжок.
Что ж, поспорить с нависшей лавиной
может только азартный игрок...

Как дурманом пропитаны травы!
Уплывает земля из-под ног...
Здесь, вступая с богами на равных,
слог поэта возвышен и строг.

Montagnes

Cette piste qui plonge vers la plaine —
autant piquer dans l'abîme d'un bond.
Qui relève le défi des moraines
certainement n'est pas un fanfaron.

Et les herbes, leurs senteurs capiteuses!
Le sol nous manque, il s'en faudrait de peu...
Le style est haut, l'élocution sérieuse —
le poème rejoint ici les dieux.

Перевал

С высоты перевала мне виден
серпантин сумасшедших дорог,
и зелёные лики долины,
и поросший лесами отрог.

Бег секунд – словно тень непогоды
Как безмолвия данный обет...
Здесь разлука, тревоги, невзгоды
на камнях оставляют свой след.

Le col

Depuis ce col, découvre mon regard
les fols lacets de routes folles,
la plaine en vert camaïeu d'œuvre d'art,
le grand massif où la forêt somnole.

Les secondes s'égrènent ainsi qu'ombre
d'intempérie, vœu de silence ad hoc...
Rupture, ici, angoisses, idées sombres,
tout en ce lieu se grave dans le roc.

Над заливом

Там, внизу – словно зеркало, гладь
вод, застывших в предутреннем штиле,
бастионов неровная гать
и церквей золочёные шпили.

Там, внизу, безмятежный покой
тихих бухт в обрамленье предгорий —
и залив, охвативший дугой
уходящие в море просторы.

Sur la baie

Baisser les yeux – eaux étales comme un
miroir, guettant le souffle d'avant l'aube;
bastions, redans tissant un front commun
et flèches d'or d'églises en maraude.

Là-bas règne l'indestructible paix
de ces criques serties dans la rocaille.
Là-bas, la baie dessine l'arc parfait
courant chercher la mer si loin qu'elle aille.

ОКРЕСТНЫЕ ХОЛМЫ

COLLINES ENVIRONNANTES

*Порой стоят деревья отрешённо,
но корни крепко переплетены...
Джамбаттиста Марини*

Остров

Благословен сей остров, город, кров.
Благословенны вся страна и море,
как океан над ним встающих снов,
и та земля, с которой мы не в ссоре.

Благословенны белые дома
под красной черепицей кровель —
неведом здесь рассохшийся саман,
замешанный на чьей-то крови.

Благословенны низких гор гряда,
где место есть и для твоих построек,
и облаков плывущих череда,
которая от зноя нас укроет.

Благословенны пастбища, луга,
сады цветущие, оливковые рощи,
реки, впадающей в залив, дуга...
и над рекою виадук розчерк.

Благословенны люди, чьи дела
оставили свой след недолгий —
они свои засеяли поля, взрастили хлеб,
как мы свой хлеб на Волге.

Благословенны те, чья доля высока —
прожили жизнь, не ведая упрёка:
апостола чертила здесь рука,
и отдыхала та, что родила пророка.

l'île

Bénis soient cette île, cette ville, ce toit,
Bénis cette contrée, cette mer aussi vaste
que l'océan de songe, un jour, qu'elle engendra;
cette terre prodigue d'amitié et de fastes.

Bénies soient les maisons aux murs crépis de blanc,
aux tuiles romaines faisant sonner le rouge;
ici est inconnu ce pisé accablant
qui suggérerait moins le logis que le bouge.

Bénis, le cortège des montagnes sans âge
où ton projet aussi vient s'inscrire en son lieu;
bénie, la procession changeante des nuages
dont l'ombre nous accorde un répit délicieux.

Bénis, le vert patchwork des prés, des pâturages,
et ces jardins en fleurs, et ces oliveraies,
ces rivières pressées de courir à la plage,
plonger sous le viaduc et se fondre à la baie.

Bénis, les hommes fiers dont les travaux passés
perpétuent la valeur d'une brève existence,
ces champs d'un blé qu'ils ont semé et moissonné,
pareil au blé volgien, par-delà les distances.

Bénis certains d'entre eux, de mérite plus haut,
qui ont marqué ces lieux de leurs actions parfaites —
l'apôtre qui traça le code le plus beau,
la femme qui sera la mère d'un prophète.

Монетный двор

Пожар весны вступил в пору бессонниц,
Но город спал... Возвысив в небо шпиль,
собор смотрел – там в переулках сонных
ещё не видно было ни души.

Река катила величаво воды...
Беззвучно крылья подняли мосты.
Здесь тишина давно вошла под своды
и захватила крепости посты.

На площадях среди брусчатки мокрой
блестели лужи... Каменные львы
в домах, где с вечера закрыли окна,
завидовали сфинксам у Невы.

И вдруг волной многоголосий звонких,
курантами встревожив травертин,
ударилось с разбега в бронзу звонниц
внезапное беспмятство куртин.

И улеглось... И стихло... Всхлипы спали.
И крепость погрузилась в сон.
Лишь у Монетного,
как на часах, не спали —
копили медных переливов звон.

Saint-Petersbourg **Hôtel de la Monnaie**

Embrassement vernal, vient le temps des nuits blanches.
La ville dort encore; sa flèche au ciel brandie,
le sanctuaire a beau surveiller la mouvance,
pas âme qui vive dans les rues endormies.

Le fleuve roule des eaux de calme majesté.
Les ponts ont soulevé leurs ailes silencieuses.
En réserve un instant sous les voûtes resté,
le mutisme investit la vieille forteresse.

Sur le pavé luisant des places astiquées
des flaques s'allument. Les lions en ronde-bosse,
jaloux des frères sphinx reposant sur le quai,
se morfondent debout sous les fenêtres closes.

C'est là qu'un carillon aux voix polyphoniques
tire de sa torpeur l'austère travertin,
et la claire sonnaille des courtines s'applique
à porter au bronze des répons cristallins.

Ce n'est pas long. La paix revient. L'émoi s'éteint.
Le fort à son repos légitime retourne.
Et la Monnaie sur le qui-vive
seule l'ajourne
car on frappe là-bas la musique d'airain.

Возвращение

Осмыслить и понять...
И заново поверить.
Сомненьям подвести решительно черту.
Минувшего забыть утраты и потери—
как ставни распахнуть,
проснувшись поутру!

И с чистою душой,
и с ясной головою,
перехватив твой взгляд,
как тайны важный знак,
я улыбнусь:
что было там с тобою,
что здесь со мной—
другим, ведь, не узнать?

Зачем им знать? —
твои целуя руки,
твое в смятенье и в слезах лицо,
я принимаю все размолвки и разлуки,
ни перед кем не выступив истцом.

Retour

Faire le point, comprendre...
Et retrouver confiance.
En finir des doutes, une fois à jamais.
Oublier le passé, ses pertes, ses créances —
ainsi ouvre-t-on ses volets
matin au mois de mai!

Âme légère
et tête claire,
interceptant ton regard
signé du mystère,
je te sourirais:
ce qui t'échut là-bas,
ici ce qui m'échoit,
comment les autres le sauraient?

Et puis, pourquoi?
Je baise tes mains,
ton visage défait que larmes envahissent,
et j'accepte ruptures et chagrins,
sans demander à quiconque justice.

«О нет, любимая, я не был Дон Жуаном...»

*«Леса мутило
жаром лиловатым...».
Б. Пастернак*

О нет, любимая, я не был Дон Жуаном.
В моей душе совсем другой изъян:
я забывал порой про час свиданья,
когда закат пылал и жёг бурьян.

Когда вставали бурные рассветы,
и полдня наступало торжество,
мне солнце опускалось клетью
в грудную клетку,
как в рудничный ствол.

И я один бродил по топким чашам.
Сквозь дебри шёл. И лес шумел листвою...
И мне казалось,
под шатром слепящим
земля дышала чёрным колдовством.

«Je ne fus pas un don Juan, chérie. Du tout...»

*«Les bois nauséux
de chaleur lilasse...»
B.Pasternak*

Je ne fus pas un don Juan, chérie. Du tout.
Si mon âme faillit, ce fut à d'autres causes,
et j'ai pu oublier d'aimables rendez-vous
car le couchant flambait sur des taillis en rose.

Au point de ces aurores purpurines,
ou au zénith quand triomphe midi,
le soleil m'était une benne de mine
plongeant dans ma poitrine
ainsi que dans un puits.

Et je m'en allais seul flâner dans les tourbières,
me frayer un chemin dans le maquis.
La forêt bruissante
m'était une arche de lumière
sur un sol voué à noire sorcellerie.

«Знал бы названия тысяч цветов...»

*«Есть имена...»
Марина Цветаева*

Знал бы названия тысяч цветов,
все перечислил бы – в них твоё имя.
В тайны проникнув стихий и стихов,
стал бы завидовать рифмам и ливням.

Вновь выбирая из россыпи слов,
выбрал бы и ... *осень гроздь рябины*
Имя твоё – это горечь плодов,
гулкое пламя пожаров глубинных.

Если б поверженным демоном был —
в небо,
как эхо, плывущее мимо,
с губ бы запёкшихся,
шелестом крыл:
горы Кавказа! – в них твоё имя...

«Fleurs par milliers... eussé-je su les noms...»

«*Il est des noms...*»
Marina Tsvétaïéva

Fleurs par milliers... eussé-je su les noms,
je les aurais tous dits, en eux ton nom.
Secrets du ciel et du poème... les eussé-je percés,
me rongerais de jalousie
pour les ondées et pour les rimes.

Aurais-je encore à choisir l'or des mots,
ce serait ou . *automne, sorbier rubicond*
Ton nom est âpreté du fruit nouveau,
est flamme sourde des feux de fond
Eussé-je été le démon déchu du poète, —
au ciel!
écho en perdition,
à lèvres calcinées,
à ailes friselantes —
montagnes du Caucase!
en elles ton nom...

«В тебе её я узнаю черты...»

В тебе её я узнаю черты,
когда она без лишней суеты
головоломный вдруг свершает пируэт,
а я обязан разгадать секрет.

И смысл подспудный – вне твоих обид:
он на поверхности, и он – сокрыт,
и если б можно было проследить
во времени твои пути,
то оказалось бы: она и ты —
ворвались в окоём, в зенит,
как точки верхние стремительных орбит
двух ослепительно сияющих планет,
когда пространство сводится на нет.

«En toi je reconnais ses us...»

En toi je reconnais ses us,
quand, l'air absent des ingénues,
elle opère un soudain retrait —
à moi d'en trouver le secret.

Celui-ci se situe hors tes heurs,
à la surface / en profondeur;
et si je pouvais retracer
tous les chemins de ton passé,
il apparaîtrait qu'elle et toi,
surgies au zénith de mon moi
sur deux orbites haut croisées,
aveuglantes et désirées,
vous êtes comme deux planètes irisées,
l'espace est aboli par leur éclat.

«Где Гатчина, где Царское Село ...»

Где Гатчина, где Царское Село —
в какой мечте они забыты мною?
Им лишь с тобой, наверно, повезло:
ведь с ними ты живешь одной судьбою.

Они тебе насмешливо не лгут,
когда ты в парк приходишь с разговором,
и там всегда находишь ты приют,
что служит для меня укором...

«Mais où sont-ils, Gatchina, Tsarskoïé Sélo?..»

Mais où sont-ils, Gatchina, Tsarskoïé Sélo?
Dans quel songe oublié de moi, quelles errances?
S'ils ont bonne fortune, est-ce encore avec toi
qui partages leur sort et vis leur existence?

Ni l'une ni l'autre, l'œil narquois, ne te mentent
quand tu viens dans le parc échanger quelques mots,
c'est un lieu que tu sais répondre à tes attentes,
et pour moi le défi n'est nullement nouveau...

Ожидание

Пусть настанет внезапно зима —
все уедут с тревогою в город...
И в холодном тумане лиман
пусть затынет мне наглухо ворот.

Среди зимнего моря ковчег
в островах затеряется скоро,
над равниною выпадет снег,
и закроются тучами горы...

En attendant

Que l'hiver, là, brusquement se déclare —
ils fuiraient vite en ville, comme un seul...
Et le liman, son vent dur, ses brouillards
auraient tôt fait de remonter mon col.

Les navires surpris par le flot boréal
croiseraient au large sous le couvert des îles,
la neige serrerait la plaine dans son châte.
La montagne? Elle irait s'effacer dans la bruine...

Маяк

Тяжёлые тучи нависли стеной.
И море свинцово темнеет.
И волны на мол набегают строкой.
И льдины, как парус, белеют.

И ставни в проулках стучат невпопад...
Становится тише и глуше —
прохожих развел по домам снегопад,
пугая несбывшейся стужей.

Но проблеск взметнулся – зажётся маяк,
и неба полоска алеет.
И я под конвоем бродячих собак
брожу по приморским аллеям.

И вечер склоняет к раздумьям о том,
что жизнь – мимолётна по сути —
однажды холодным и сумрачным днем
вдруг скатится капелькой ртути,

что тонок поэзии трепетный пласт —
не смоем ли за ночь прибором?
И только любви неохватная страсть
пылает над зимней зарёю...

Le phare

De bas et lourds nuages barrant l'horizon.
La mer, au teint plombé toujours plus grave.
Les vagues, contre le môle donnant de l'étrave.
Comme autant de voiles, les crocs blancs des glaçons.

Et au bourg, les volets qui claquent en désordre...
Mais s'installe un silence ouaté et caressant —
la neige ainsi se signale aux passants,
ils désertent la rue car le froid pourrait mordre.

Une lueur d'espoir s'allume toutefois —
le phare! et dans le ciel, du rouge perce.
Alors, suivi des chiens s.d.f. de l'endroit,
je m'en reviens flâner sur la côte déserte.

Un soir bien fait pour la méditation:
la vie, au cours si bref, aux fins obscures,
qui par un jour gris, froid, peuplé de ces glaçons,
roulera au néant
telle une goutte ultime de mercure;

la poésie, tremblant embrun tout en finesse,
le jusant ne va-t-il l'effacer cette nuit?
Reste l'amour – ses feux débordants n'ont de cesse
qu'ils l'emportent sur ceux d'un soir d'hiver transi...

Осенний сад

Когда любовь тебя настигнет вновь,
ты – словно сад,
увенчанный плодами
своих трудов
и осени трудов...
И ветви гнутся под её дарами.

Ночь

Ты думаешь, что осень? Ветер? Ливни?
Всмотрись через стекло:
во тьме летят...
Прислушайся:
зовут по имени.
Открой окно —
и ощутишь вдруг взгляд!

Nuit

Tu dis, c'est l'automne? Le vent? La pluie?
Là-bas! regarde mieux:
ils volent dans le noir...
Écoute: ton nom!
ils t'appellent, oui...
Ouvre la fenêtre —
le sens-tu ce regard?

Вино из Дении

Пусть на столе в большом графине
темнеет красное вино —
оно из солнечной долины
тобой сюда привезено.

И только яблок нет в помине —
их суть греховная ясна,
но как мы будем без причины
бокалы осушать до дна?

Vin de Dénia

Mettons que dans la cruche sur la table
ce sombre rouge soit du vin...

Tu pris la peine, lors d'un voyage,
d'en rapporter un solaire couffin.

Les pommes seules manqueraient au rite,
et leur perversité est bien connue;
mais comment, sans motif qui le mérite,
le boirions-nous, ce vin, à fond de cul?

Поэт и муза

Поэт и дева могут друг без друга
прожить хоть день? Хотя бы иногда
уйти на миг от этого недуга?
Поэт – конечно, нет... А дева – да!

Le poète et sa muse

Le poète, l'amie, ne vivre qu'un seul jour
l'un sans l'autre? Ne fût qu'une minute,
oublier par moments le mal d'amour?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.